

Н.К. Рерих в одеждах ламы. 1930-е годы.
Фото из собрания Музея Н. Рериха в Нью-Йорке

МАНЬЧЖУРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ Н.К. РЕРИХА: В ПОИСКАХ «НОВОЙ СТРАНЫ»

В.А. Росов

Статья о Маньчжурской экспедиции (1934-35) вызвана несколькими обстоятельствами. Это прежде всего публикация на страницах журнала «Ариаварта» уникальных дневников Н.К. Рериха, относящихся к периоду полугодового странствия по Китаю и Монголии. Об их существовании до сих пор вообще не было известно. Практически полный текст дневника недавно обнаружился в Музее Н.Рериха в Нью-Йорке. Впервые знаменитый путешественник и художник предстает перед нами не только исследователем Центральной Азии, но и крупным политиком. Причем именно статус политика вполне соответствует масштабу его личности. Известно, Рерих прославился как международный деятель культуры, предложивший Пакт Мира. Но Пакт Рериха это всего лишь звено в большой политике, в которую оказались вовлечены известные люди Америки — президент Франклин Делано Рузвельт, министр земледелия и сельского хозяйства Генри Уоллес, сенатор Уильям Бора. Геополитический характер деятельности Рериха есть как раз то, что предстоит осмыслить в самое ближайшее время.

В целом такое понимание, с уклоном на политику, складывается довольно трудно. Жизненные задачи семьи Рерихов применительно к Азии пока еще не осознаны. Хотя оснований для этого вполне достаточно. Несколько лет назад вышла книга К.Н. Рябикина «Развенчанный Тибет» (1996). Она перевернула наши представления о Центральноазиатской экспедиции академика Рериха, и во всеуслышание было заявлено о Буддийской миссии в Лхасу. Публикация увесистого тома произвела эффект разорвавшейся бомбы. Однако «взрывная волна» еще не достигла ищущих умов... Тем не менее, не стоит уповать на физическую механику. Как всегда бывает, при разрушении старых догм первыми появляются интеллектуальные мародеры. Только в этом году уже издано две книги, выставляющие Рерихов в ложном свете, — Олега Шишкина «Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж» и Антона Первушина «Оккультные тайны НКВД и СС». Первая делает Н.К. Рериха агентом советских спецслужб, осуществляющим свою Центральноазиатскую экспедицию «под руководством» террориста Я. Блюмкина. Вторая отводит Рериху роль не ограниченного властью сатрапа, стремящегося «единолично

решать судьбы мира». И то и другое — ложь, от начала до конца. Чтобы противостоять надвигающемуся хаосу подобных интеллектуалов, читателю и предлагается настоящее исследование. Оно построено исключительно на документальной основе, на использовании архивных материалов, извлеченных из собраний США, Индии и России.

Нельзя обойти молчанием появление еще одной книги, принадлежащей перу американских исследователей Грэхема Уайта и Джона Мейза, — «Генри Уоллес: поиск нового мирового порядка» (1999). На ее страницах дан анализ взаимоотношений Уоллеса и Рериха, которые достигли своего трагического апогея на фоне Маньчжурской экспедиции. По правде сказать, налет легковесности (при одновременном цитировании редких документов) и национальная гордыня не позволили авторам пойти вглубь. Все оценки личности Рериха красноречиво суммированы в названии одной из глав — «Фальшивый пророк». И это именно та капля, которая является последней и переполняет чашу научного терпения по другую сторону океана, в России, на родине нашего великого соотечественника.

I.

Маньчжурская экспедиция академика Н.К. Рериха явление необычное в ряду путешествий и изучений Центральной Азии. О ней сегодня почти ничего не известно. Основная идея — сбор засухоустойчивых трав и лекарственных растений по окраинным районам Гоби — мало что объясняет. Эта экспедиция в Северную Маньчжурию и Внутреннюю Монголию была организована по инициативе Департамента сельского хозяйства США при личном участии министра Г.Э. Уоллеса. Хотя намерения исходили от самого Н.К. Рериха, и заслуга в ее проведении принадлежала именно ему.

Поездка по Центральной Азии в середине 30-х годов стала логическим продолжением всей экспедиционной политики, начатой еще в 1923 году. Семья Рерихов отправилась странствовать по Индии и Востоку. На время обосновалась в Дарджилинге, а затем в 1925-м двинулась в Кашмир и Лех, откуда путь лежал в глубины Азии. Первая Центральноазиатская экспедиция Н.К. Рериха проходила в несколько этапов. По прибытии в Монголию она переросла в самостоятельное Тибетское путешествие, известное теперь как Миссия Западных буддистов в Лхасу (1927-28). Из Урги Рерихи отправились на переговоры с Владыкой Тибета, восседающим в заоблачной Потале. Назревала необходимость реформирования буддизма в Азии, и Н.К. Рерих намеревался

учредить «Орден Будды Всепобеждающего», договориться с Далай-ламой о самостоятельной параллельной ветви Западных буддистов. Это был завершающий шаг перед тем как приступить к грандиозному строительству в пустынной гобийской Азии. Создание независимого государства, названного условно «Новая Страна», — таков Великий, или Мировой План Рерихов, задуманный для того, чтобы перекроить карту Восточной Сибири и Дальнего Востока. Каким бы ни казался сегодня подобный «план», утопическим или, наоборот, своевременным, — это предмет серьезных раздумий об исторических судьбах России.

Встреча с Далай-ламой не состоялась, караван был задержан на высотах Чантанга. И экспедиционный отряд оказался вынужден, минуя Лхасу, ценой невероятных трудностей и потерь пробиваться в Индию. Буддийский поход на просторы Сибири и в монгольские степи был отложен до лучших времен, до тех пор, пока ситуация в тибетском регионе не станет более благоприятной. Мировой План претерпел изменения, и Маньчжурская экспедиция сделалась необходимой и главной его частью.

Очень важно прояснить истоки Мирового Плана, чтобы понять, как всё начиналось. В дневниках Е.И. Рерих уже с 1921 года встречаются упоминания о «Тибете», о «пути к Лхасе» и о ее муже, Н.К. Рерихе, которому «суждено руководить Россией» [1]. Начало 20-х это фактически период самоопределения всей эмиграции, когда поток наших соотечественников устремился в Европу, Америку и Азию. Рерихи не были исключением в общей массе, но в отличие от обычных людей, они, люди искусства, страстно верили в свою духовную миссию. Такая вера была вполне оправдана. Весной 1920-го в Лондоне Рерихи встретились с Учителями, Махатмами Морией и Кут Хуми, прибывшими из Индии в составе военной делегации. И с этого момента их существование наполняется бессознательными импульсами и образами индийской жизни. Они используют любую возможность, чтобы отправиться на Восток вслед своим высоким Руководителям.

Наконец, осенью 1921-го намечается в общих чертах перспектива путешествия в Индию. (Н.К. Рерих с семьей находился в Соединенных Штатах в связи с приглашением провести серию художественных выставок по городам Америки). Отныне вслух ведутся разговоры о научно-художественной экспедиции. Но в кругу семьи обсуждаются планы другого рода — думы «о русском походе» и «путь из Индии через Китай и Харбин» [2]. И только через год, когда положение Рерихов в США укрепилось — основан Институт Объединенных искусств и начата работа по открытию Музея, — оформляются мысли о Мировом Плане,

который на первых порах назывался «Великий». «Не много призванных, найдется не более 100 человек. Кто поймет *Великий План*?! План не для слов, но для дел» [3]. В основе этого «Плана» лежит идея об объединении народов Азии в Союз Востока. Е.И. Рерих осенью 22-го в письме к сыну Юрию, который в то время получал востоковедческое образование в Сорбонне, сообщила: «Союз народов Востока назревает» [4]. Ю.Н. Рерих, обладая глубокими знаниями восточных языков (китайского, монгольского, тибетского, урду, персидского и др.), выдвигается одной из главных фигур, он включен в состав будущей экспедиции. План только намечается. Летом 1923-го, незадолго до Индии, вся семья Рерихов отправляется в краткую поездку по Европе — осмотреть памятники Италии и отдохнуть в Швейцарских Альпах. В это время происходит нечто особенное. «В Виши закладывается идея Величайшего Союза... Народы будут помнить 17-е июня» [5]. Такова еще одна запись в дневнике Е.И. Рерих, с которой начинается грандиозное политическое и духовное действо, длившееся целых 12 лет.

Остается вопрос, откуда все-таки появилась идея «Мирового Плана»? Применительно к Рерихам трудно себе представить механическое повторение мыслей и указов Махатм. Должно было быть творческое понимание истории и огромные знания. И еще — счастливые обстоятельства, чтобы зародившаяся идея проросла и набрала силу. У Рерихов налицо оказалось всё необходимое.

К концу XIX столетия Россия стала постепенно принимать в свои недра доктрину «восточничества». В светских кругах российского общества обсуждалась докладная записка П.А. Бадмаева «О присоединении к России Монголии, Тибета и Китая» (1893), поданная императору Александру III. Но еще за десятилетие до этого знаменитый путешественник Н.М. Пржевальский, будучи выразителем военных настроений Главного штаба, оправдывал необходимость нового жизненного пространства для России — Китайского Туркестана и северной части Тибета. На рубеже XX века русский философ Соловьев выносит на суд высшего света «панмонголистские» взгляды, почерпнув от французских миссионеров Гюка и Габэ сведения о буддийском «братстве келанов», которое «завоюет Тибет, Китай, Монголию и великое государство Ороса (Россию)». После «большой революции» воцарится всемирный владыка перед приходом Будды Майтрейи [6]. В 20-е годы становится популярной теория Карла Гаусгоффера о существовании «великой гобийской цивилизации ариев», основанная частично на легенде о таинственном подземном царстве Агарти. Эта цивилизация процветала примерно 3-4 тысячи лет

назад, и после того как нынешняя Гоби некогда обратилась в пустыню, она тоже исчезла. Арии переселились в Индию и на север Европы, а в Тибете еще сохраняются остатки арийской культуры [7].

В 1921 году представитель Тибетского правительства в Советской России Хамбо-лама Агван Доржиев обратился в Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР с предложением о расширении территории Монголии «в целях уменьшения пространственного разъединения буддийских народов Центральной Азии и установления тесного контакта и сообщения между ними» [8]. В записке сообщалось, что при наличии дружественной поддержки и содействия со стороны России вполне возможно объединение западных ойратских племен, простирающихся вплоть до Тибетского нагорья (Цайдама и Кукунора) как окраинного пункта расселения монголов. Образование расширенного Монгольского государства могло бы обезопасить границу России на всем протяжении от Маньчжурии до Тянь-Шаня.

Политика установления широкой монгольской автономии очевидно направлялась из Тибета, и Агван Доржиев являлся тонким инструментом в ее осуществлении. Примечательно, что именно с ламой Доржиевым Рерих был тесно связан еще со времени строительства Буддийского храма в Петербурге. (С 1909 года Николай Константинович входил в Комитет для руководства постройкой храма). В 1914 году Рерих получил через Доржиева в дар от Далай-ламы XIII священный хадак — знак высоких почестей и заслуг в деле возведения буддийской святыни, посвященной Калачакре. Тогда же он впервые услышал о Шамбале от «высокого бурятского ламы». Не был ли этим ламой Доржиев? Еще раньше, в начале века, японский монах Кавагучи дал описание своего путешествия в Лхасу и сообщил, что Агван Доржиев, получивший почетный титул «Цанни кэнбо» как наставник малолетнего Далай-ламы, передает повсюду пророчество о приходе в Россию «могучего князя, который создаст великую буддийскую державу Чан Шамбала» [9]. Вероятно, Рерих слышал это пророчество о Чан Шамбале, или Северной Шамбале, которая отождествлялась с Россией, и вполне мог задумываться о новой буддийской стране.

В то время когда рождались дерзновенные замыслы Рериха, закатилась звезда «Бога Войны», эстляндского барона Р.Ф. Унгерн, ставшего властелином Монголии. В 1919-21 годах Унгерн во главе своей «Азиатской дивизии» сражался за то, чтобы на карте Азии появилась «Великая Монголия». Но это лишь первый шаг на пути к будущему. Барон Унгерн хотел принести в Россию «на кончике монгольской сабли»

учение Будды и затем образовать «федерацию кочевых народов Центральной Азии». Главный пункт политической программы Унгерна — воссоздание державы Чингисхана, и в этот «союз азиатских народов» должны были войти «китайцы, монголы, тибетцы, афганцы, племена Туркестана, татары, буряты, киргизы и калмыки» [10]. Повсюду в Монголии стали известными крылатые слова барона, которые уместно будет процитировать: «Дело уже начато и не умрет. Я знаю пути, по которым пойдет оно. Племена потомков Чингисхана проснулись. Ничто не потушит огня, вспыхнувшего в сердцах монголов. В Азии образуется громадное государство от Волги до Тихого океана» [10].

История с бароном Унгерном имела бы лишь косвенное отношение к Мировому Плану, если бы не один факт. Обозом Азиатской дивизии командовал родной брат Н.К. Рериха, Владимир Константинович (!). Без сомнения, начальник дивизионного обоза — высокая должность, приближенная к Унгерну. Это обстоятельство, возможно, является решающим, чтобы разобраться в появлении внешнего стимула к Мировому Плану (внутренним, конечно, были указы Махатм). К тому же, В.К. Рерих впоследствии стал одним из главных лиц, осуществлявших План в Харбине.

Последнее, что необходимо уяснить — какова расстановка политических сил в регионе Центральной Азии и на Дальнем Востоке накануне Маньчжурской экспедиции. Это подтвердит или опровергнет правомерность замыслов Н.К. Рериха и его Мирового Плана. С начала 20-х до середины 30-х годов ситуация в межгосударственных отношениях азиатских стран сложилась уникальной. Центром политической активности и вооруженных столкновений стала территория некогда единой Монголии. После периода смут, вызванных нашествием Джа-ламы, атамана Семенова и барона Унгерна, страна получила независимость (1924). Вспыхнувшая китайская революция 1925-27 годов оказала влияние на судьбу Монголии и определила будущее разделенного на части монгольского народа. (Внутренняя Монголия находилась до 1911 года под властью Цинской династии, а затем — Пекинского правительства). Революционные события в Китае дали новое развитие проблеме «панмонголизма». И руководство Монгольской Народной Республики (большая его часть) выступило за объединение монгольских племен.

В конце 20-х в полный голос заявила о себе Япония, и в течение последующих 10-ти лет ее деятельность на Дальнем Востоке стала определяющим фактором. В 1931 году коминтерновская печать опубликовала меморандум генерала Танаки (1927), содержащий программу военно-

политической экспансии Японии в Азии. Вскоре, в сентябре 31-го, японская агрессия стала свершившимся фактом. Роль Японии оказалась настолько важной, что Н.К. Рерих не мог ее не учитывать в своих политических построениях. В маршрут Маньчжурской экспедиции была включена поездка в Японию в мае 1934-го. Для плавания из Сиэтла в Йокагаму первоначально были заказаны билеты на пароход японской компании (а не американской!). Всё это вызвало резкое противодействие по отношению к Рериху и его покровителю Уоллесу со стороны президентской администрации США, вплоть до отказа Белого Дома финансировать экспедицию в Северную Маньчжурию. Устройство выставки рериховских картин в Киото и визит к императору Японии вряд ли могут объяснить настойчивость и простоту намерений главы экспедиции. Посещение Японии для него — это больше, нежели успех всей экспедиции, ибо ее срыв в какой-то момент казался неизбежным. Ставка на Японию, вероятно, была велика. Рерих был готов вообще отказаться от услуг Вашингтона, если бы нашлись 12 тысяч долларов. Он имел в запасе другой вариант. План мог осуществляться «через кооператив, а не экспедицию» [11].

К началу Маньчжурской экспедиции ситуация в Центральноазиатском регионе определялась как взрывоопасная. Обозначились новые политические реалии, и произошел целый ряд значительных событий. На границе с Монгольской Народной Республикой образовалось марионетное государство Маньчжоу-Го. Выдвинулся национальный лидер Внутренней Монголии Дэмчиг Донрова (князь Дэван), ставший во главе автономного государства с центром в монастыре Пайлан провинции Суйюань. Политика Токио и прояпонского правительства Маньчжоу-Го по установлению дипломатических отношений с МНР шла вразрез с интересами Москвы. Такая ситуация подталкивала Японию и СССР в середине 30-х годов к разделу «сфер влияния». И монголо-маньчжурский регион вполне мог сделаться полем крупномасштабного столкновения Японии с Советским Союзом или с Китаем [12]. В силу общей ситуации в мире и формирования политической оси «Рим—Берлин—Токио», угроза войны в Азии к осени 1936 года становится вполне реальной.

Идеология строительства «Новой Страны» требовала от Рериха четкой позиции. Он неизбежно должен был стать на сторону Японии в надвигающемся возможном конфликте. Его вера в то, что события развернутся по определенному политическому сценарию, подхлестывалась религиозной атмосферой на Востоке. Буддийская Азия ожидала пришествия Майтрейи. Рерих не только хорошо знал о «Священной войне

Шамбалы», он приложил немалые усилия, чтобы собрать сведения об этой легендарной стране, затерянной в горных долинах Тибета и Гималаев. На страницах его книг «Алтай—Гималаи» и «Сердце Азии» щедро рассыпаны пророчества лам о «грядущей эпохе Шамбалы». «Наблюдайте время, когда на шлеме воинов появятся красные звезды». В 1921 году в монастыре Таши-лунпо, тибетской резиденции Таши-ламы, воздвигается гигантское изваяние Майтрейи. При этом было объявлено, что царствование Благословенного Владыки начнется через 15 лет, то есть в 1936 году.

Пророчества и предсказания на 36-й год, возможно, не относятся ни к научному характеру статьи, ни к творческой натуре Рериха (хотя у него определенно мистическая интуитивная природа, как у любого настоящего художника). Однако в распоряжении историков остается достоверное собрание фактов.

Итак, всё сходилась на 1936 год. Маньчжурская экспедиция планировалась сроком на три года. Рерихи предполагали, что они останутся на Дальнем Востоке до 1937-го. В Харбине был сформирован экспедиционный отряд из местных русских (помимо отца и сына Рерихов и двух американских ботаников). Первая летняя экскурсия в Баргу состоялась в половине июля и августе 34-го. Вторая, в Гоби, — в конце ноября. Возникает естественный вопрос: что же делал Н.К. Рерих в Харбине пять месяцев? Является ли Маньчжурская экспедиция именно экспедицией в полном значении слова? Или она нечто совсем иное...

Путь на «Китай и Харбин» намечен был еще на Рождество 1921 года. Конкретного плана не существовало, только магистральное направление. Как представлялось, судьба будущей России, и прежде всего ее Азиатской части и Сибири, зависела от центров русской эмиграции на Дальнем Востоке. Самым крупным из них, причем сложившимся естественным историческим образом, являлся Харбин. Он возник в связи с прокладкой в конце XIX века Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Вполне закономерно, что именно этот чисто русский город для Рерихов стал наиболее притягательным. «Харбин избран центром в строительстве будущей культуры России» [2]. Так свидетельствует дневник Е.И. Рерих.

Как раз осенью 1921 года в Нью-Йорке появился П.А. Чистяков, приехавший в командировку из Харбина по делам «организации международной опеки над дорогой». (Он занимал крупный пост в управлении КВЖД). Его встреча с Н.К. Рерихом — знакомы они были еще по Петербургу — обнаружила общность взглядов и духовных стремлений.

Е.И. Рерих подарила Чистякову портрет Учителя Мории, который она хранила в нагрудном медальоне как самую ценную вещь, очень дорогую для нее реликвию, полученную от самого Мастера. А ее супруг сумел убедить харбинского гостя в необходимости учреждения высшей школы на Дальнем Востоке. При благоприятных условиях она могла стать центром культуры, где Рерих «укажет новый путь учения» [2]. Конечно, как всегда, расчет строился на чуде. Но помимо чудесных обстоятельств, в Америке начал устанавливаться комитет будущей «школы», получившей в устных беседах статус университета. В состав комитета, кроме самого Чистякова и Н.К. Рериха, предложено было ввести бывшего русского посла в США Б.А. Бахметьева. С ним прошли переговоры. Наладились также подступы к крупному магнату Рокфеллеру.

По возвращении из Америки, где Чистякову пришлось пробыть целых семь месяцев, он с удивлением обнаружил, что за время его отсутствия произошла резкая «китаизация» полосы отчуждения КВЖД. Ситуация кардинально менялась. «Идея учреждения в Харбине на американские средства университета для русских студентов особого сочувствия здесь не встретила», — сообщал впоследствии Чистяков в письме к Рериху (1.4.1923) [13]. Причина оказалась вполне прозаическая — в русском Китае уже «влачат свое существование зародыши высших школ», такие как Русско-Китайский Техникум, Экономическо-Юридические Курсы и Медицинские Курсы. Появление еще одного высшего учебного заведения только осложнило бы положение и создало нездоровую конкуренцию. Русские профессора из Америки, в числе которых несомненно предложены были Н.К. Рерих и Ю.Н. Рерих, оказались в Харбине ненужными.

Существовали и политические мотивы отказа. У новой администрации дороги сложилось мнение, что китайцы не позволят открыть на своей территории русский университет, ибо это нарушило бы их суверенность. Однако слухи о проекте, в согласии с которым из-за границы приглашаются русские профессора, быстро проникли в молодежную среду. Вскоре вспыхнуло «мятежное движение» студенчества за замену некоторых «никчемных профессоров», в пользу ученых, выписанных из Америки и Европы. Но Рерихи уже держали курс на Индию.

Летом 1922 года Чистяков стал посещать лекции в только что открывшемся Харбинском Теософском обществе, а осенью вступил в Орден Розенкрейцеров. Не прошло и года, Чистяков поменял пристрастие, избрав своими наставниками старших Рерихов. К ученикам причислил себя и В.К. Рерих, который тоже обосновался в Харбине. «Индия

кажется нам ближе, чем Париж или даже Америка, — писал Чистяков своим учителям, — и нам хотелось бы верить, что у Вас найдется возможность хоть изредка издали руководить нами» (12.11.1923) [13]. В ноябре 1924-го к ищущим духовных впечатлений харбинцам присоединился инженер В.Н. Грамматчиков. Образовалась крепкая ячейка из трех человек, которые жили надеждой, «внушенной», как непосредственно выразился Чистяков, словами Рериха «о великом будущем Сибири» (19.12.1923) [13].

К середине 20-х годов на Дальнем Востоке усилиями сотрудников Рериха разворачивается коммерческая и хозяйственная деятельность. В Харбине открылись филиалы сразу нескольких организаций, инкорпорированных Музеем Рериха в Нью-Йорке, — книгоиздательства «Алатас» и торгово-транспортной конторы «Мировая Служба». Это была проба сил на будущее. Рерихи подступались на практике к «Мировому Плану», полагая, что «Союз Востока начинается в Сибири в виде частного общества» [14]. «Новая Страна», как и любая другая, должна была вначале иметь собственную территорию, хотя бы небольшой клочок земли. Именно в это время, незадолго до Центральноазиатской экспедиции 1925-28 годов, стала витать идея об организации сельскохозяйственного кооператива «Алатырь» и акционерного общества «Белуха» (для разработки серебряных руд и для опытов по использованию радиоактивности в сельском хозяйстве).

Только по возвращении экспедиции из Тибета снова встал вопрос об интересах рериховских учреждений в Монголии и Китае. Сразу же после поездки в Америку в 1929-30 годах, где Рерих заручился финансовой поддержкой Л.Л. Хорша и приобщенных к Музею состоятельных американцев, он обратился с деловым предложением к своему брату В.К. Рериху. Суть предложения — организация сельскохозяйственной фермы. Гарантом выступил Нью-йоркский Музей.

Агроном В.К. Рерих был подходящим кандидатом на роль организатора кооперативного движения. Пройдя с армией всю Монголию, он поселился в Харбине с начала 20-х годов. За долгие годы жизни на Дальнем Востоке «собрал много знаний о крае». В 1922-м поступил на службу в Земельный отдел КВЖД. Открыл опытное поле на Западной линии дороги и маслодельно-сыроваренный завод в Харбине, которым заведовал до прихода большевиков. «Сельскохозяйственная ферма и ее организация меня очень интересуют, — откликнулся В.К. Рерих на сделанное ему предложение в письме к племяннику Юрию. — Начиная с/х дело здесь, в Маньчжурии, можно надеяться вполне на успех» [15].

Устройство хозяйства на первых порах предлагалось начать в районе Шара-Сумэ, в Алтайском округе Монголии. Примечательно, что это ближайший крупный населенный пункт с южной стороны Белухи, вблизи границы с СССР. Указание пришло из Индии. Однако В.К. Рерих отклонил Шара-Сумэ. Ссылаясь на хорошее знание местности, он выдвинул соображения экономического порядка. (В 1921-м Владимир Константинович шел с конным обозом из Чугучака через Шара-Сумэ и Кобдо). «Этот пункт отовсюду очень отдален от железных дорог, — писал В.К. Рерих в Кулу, — и потому сбыт продуктов будет затруднен и очень дорог, там на доходность рассчитывать трудно» [15]. Альтернативой Монгольскому Алтаю стала Маньчжурия, плодородные земли вдоль Хинганского хребта (пахотные поля, пастбища для скота, ископаемые богатства). Окончательный выбор пал на район Трехречья, расположенный по рекам Ган, Дербул и Хаул.

Однако в начале 30-х в Америке разразился финансовый кризис. И «великая депрессия» отодвинула планы еще на неопределенное время. В течение нескольких лет, в 1932-33 годах, шла серьезная подготовка к Маньчжурской экспедиции. В этот период В.К. Рерих пытался продвинуть дела «Трехреченских артелей», оказавшиеся не особенно успешными. Весной 1934-го Н.К. и Ю.Н. Рерихи прибыли в США, где окончательно должны были согласовать все детали предстоящей экспедиции в Департаменте сельского хозяйства. 15 марта в Вашингтоне состоялась встреча с главой Департамента Г.Э. Уоллесом. Имея в руках все санкции на проведение экспедиции, в том числе финансовые, Н.К. Рерих получил и «Проект организации сельскохозяйственного кооператива в Маньчжурии» [16], составленный В.К. Рерихом. Николай Константинович писал брату в Харбин:

«Только что получен план кооператива, и я очень рад, что [проект] сделан в хорошей форме. Сейчас он будет переведен, чтобы показать соответствующим полезным людям... Действительно приходят большие сроки, и нужно встретить их в сердечной готовности» [17].

Как только Н.К. Рерих прибыл в Маньчжурию летом 1934-го, сразу же полетело письмо в Нью-йоркский Музей. Глава экспедиции направил документы об учреждении под его покровительством Сельскохозяйственного кооператива «Алатырь», на который «желательно было бы получить американских долларов 10-15 тысяч» [18]. Начиналось это письмо указанием «для передачи куда следует». Адресат был известен лишь доверенным сотрудникам Музея. Им оказался министр Генри

Эдгар Уоллес. В Вашингтоне при встрече с Н.К. Рерихом он получил из рук своего Гуру «кольцо, Портрет и порошок йога» [11]. Это мистические атрибуты ученичества, переданные по указу с Гималаев. При таких обстоятельствах все принимало совершенно иной оборот. Маньчжурская экспедиция походила на тайную Харбинскую Миссию.

Действительно, так оно и было. Две новые встречи Уоллеса и Рериха, 21 марта и 14 апреля 34-го, на этот раз уже в Нью-Йорке, скрепили будущие намерения. Министру были даны указания, «как готовить себе президентство, как идти в общем Плате, ибо его успех не будет вне Плате» [11]. В Америке, в канун Маньчжурской экспедиции, утверждалась расстановка сил. Вот-вот должна была начаться основная фаза Мирowego Плате.

Как отдельного документа «Мирowego Плате» не существовало. Он оставался в обиходе Рерихов. Но сохранились дневниковые записи их близкой сотрудницы Э.Г. Фосдик [11]. Конечно, далеко не полные, обрывочные сведения. По ним можно получить лишь отдаленное представление об участниках и месте событий, которые, предполагалось, развернутся в Центральной Азии.

«Плате — это поездка в Киото для выставки картин, затем в страну Ачаира [Маньчжурию], оттуда Юрий [Рерих] едет в глубь Монголии тренировать, организовывать — Н.К. [Рерих] глава всему. Конечно, Япония на стороне дружбы, ибо они единственные против большевиков. Америка могла бы иметь первое место, но потеряла его из-за признания [СССР]... Ни Юрий, ни Н.К. не вернутся в Индию скоро, указан срок 1936 года...» (14.3.1934).

«Какой Н.К. великий дух — понятно, почему он явится представителем Новой Страны... Н.К. посетил японского консула и очень доволен свиданием... Н.К. ему говорил о Сибирском центре — тот понял» (19.3.1934). «Юрий заходил, беседовали о разном, он говорил о будущем. Вначале пойдут 30 человек, потом в Харбине все расширится, потом Внутренняя Монголия или Алтай — на месте будет видно» (19.3.1934). «Я имела чудный разговор с Юрием о будущей Стране и управлении ею — весь план так прост и вместе с тем будет весь чуть ли не завершен в 1936 году. Не верится во всю эту чудесную сказку» (22.3.1934).

«Вечером была Беседа. Н.К. опять писал. Дано вновь 11 июня 1936 года» (31.3.1934). «У меня днем был на чае Завада (японский консул) с женой. Говорила с ним о Н.К. — мировом лидере, что о нем говорил Метерлинк, о значении Японии и России в будущем» (9.4.1934). «Н.К. сказал: вдруг появится непобедимая монгольская армия, начнет побеждать, действовать — знаменательно!» (17.4.1934).

«Мы с Н.К., Юрием и Таруханом [Г.Д. Гребенщиковым] поехали к Завадским* слушать его гимн “*Да воскреснет Бог и расточатся врази Его*”. Превосходная вещь... Н.К. сказал Завадскому, после того как он сыграл часть своей симфонии: “И назовите это — 1936 год”» (19.4.1934). «Н.К. говорил о необходимости выполнения всего Плана... Велел помнить сказанное, ибо сроки последние, и если мы не выполним всего, мы не люди вообще. [Николай Константинович и Юрий] уехали на великую миссию — спасение России» (22.4.1934).

Вполне очевидно, что Н.К. Рерих отводил себе роль мирового лидера. Да и все ближайшие сотрудники так и называли его — «наш Великий Вождь». На таком фоне фактическое руководство Рериха корпорациями «Панкосмос», «Белуха», «Ур», «Новый синдикат», «Международное информационное агентство» и «Алатырь» нисколько не выглядело внушительным. Масштаб Азии покрывал любые международные проекты и связи.

Подготовка почвы для лидерства началась активно в самом конце 20-х годов, особенно после того как Буддийская миссия в Лхасу оказалась неудавшейся. Рерих объективно завоевывал симпатии людей, бросив в массы девиз «Мир через Культуру» и выдвинув идею Пакта и Знамени Мира о защите культурных ценностей. В 1931 году в Брюгге прошла Международная конференция, которая сделала Пакт Рериха достоянием широкой общественности и политиков. Королевские дворы Бельгии, Дании, Югославии, Норвегии ответили Рериху посланиями и некоторые даже наградили его своими национальными орденами. «Мировое значение Н.К. достигло наивысших границ, — сообщала Э.Г. Фосдик на Дальний Восток В.К. Рериху, — он возведен повсюду как вождь мировой культуры» [19].

Приезд Н.К. Рериха в Харбин во главе экспедиции был встречен с великим энтузиазмом и восторгом. С первого же дня знаменитый соотечественник стал желанным гостем на всех городских собраниях и торжествах. Он выступил в Христианском Союзе Молодых Людей, на старейшем Юридическом факультете, в приюте-училище «Русский Дом», в Институте Св. Владимира — в местах, где была прежде всего молодежь. Повсюду Рерих подчеркивал мысль о том, что Харбин как средоточие культуры находится «в особом положении».

«Харбин исключительный центр. Я проехал 24 страны и констатирую это перед вами... Я видел много русских колоний, но здесь ощутил — очаг русской культуры» [20].

---

* композитор Василий Васильевич Завадский и его жена Мария Алексеевна, пианистка

Именно в этом, одном из самых первых своих выступлений по прибытии на Дальний Восток, Рерих обратил «особое внимание» аудитории на «реальную ценность истинного русского вождя». Хотим мы этого или нет, но Рерих предстал перед харбинцами настоящим вождем, готовым вести свое воинство.

Есть особые обстоятельства, о которых нельзя умолчать. Когда ранней весной 1934-го Н.К. Рерих прибыл в США, он привез с собой из Индии рукопись «Напутствие Вождю». Она была собрана Е.И. Рерих незадолго до его отъезда, в конце 33-го. Текст, составленный из отдельных параграфов, целиком посвящался мировой роли Водительства и роли Вождя, который «даст новые пути». Первый, предварительный вариант рукописи был еще раньше послан в Нью-Йорк. З.Г. Фосдик, не дожидаясь указаний, предприняла было шаги для ее издания, но это пока не входило в планы Рерихов. Только спустя несколько лет книга «Напутствие Вождю» вышла в Риге незначительным тиражом, немногим более 50 экземпляров (каждый экземпляр был нумерованным). Кому же и для чего предназначалась книга, изданная, что называется, «для служебного пользования»?..

Конечно, можно предположить, что книга в виде руководства или пособия подготовлена для некоего абстрактного вождя. Но дар Учителей человечеству, каким несомненно явилось «Напутствие», бывает только конкретным. Он всегда имеет своего адресата. И эта книга тоже предназначалась для определенного, пусть избранного круга лиц и руководителей рериховских обществ. (Для того чтобы они смогли вместе с Рерихами принять грандиозный План переустройства жизни). По существу на ее страницах была изложена программа социальных преобразований для «Новой Страны». Поощрялись деловые кооперативы и Братства для культурного общения. «Устремление к истинному кооперативу лежит в основе эволюции. Кооперативное устройство — единое спасение» [21]. Значение кооператива в развитии государства, согласно концепции книги, настолько велико, что ему отводится ведущая роль в самых разных отраслях хозяйства, даже таких, например, как строительство дорог.

И все-таки, кто этот Вождь, кого «напутствуют» Учителя?.. Несомненно, этот Вождь — сам Рерих. Завершая первый этап экспедиции в Северную Маньчжурию, в Баргу и Хинганские горы, он находился на вершине славы и почитания. 29 сентября 1934 года Нью-йоркский Музей Рериха извещал свой филиал в Париже: «Так триумфально и торжественно шествует великий Мировой План нашего вождя» [22].

II.

Пребывание Рерихов в Харбине имело одну особенность — склонность к военному делу и военным. Конечно, это не было простой любовью к воинскому искусству (Юрий Рерих окончил специальный военный факультет в Сорбонне), а таило в себе далеко идущие планы.

Н.К. Рерих был принят интеллигенцией Русского Китая и Маньчжурии с распростертыми объятиями, его деятельность оказалась популярной во всех харбинских кругах, и прежде всего — в военных. Дружественную поддержку он получил в лице председателя местного отделения Российского Общевоинского Союза (РОВС) генерала Г.А. Вержбицкого. Наладил также близкий контакт с другими генералами — В.Д. Косьминым (Военно-Монархический Союз), Е.Г. Сычевым (Восточно-Казачий Союз), генералом Соболевским (Легитимисты). В первые же дни по приезде Рерих не забыл и о главе русской эмиграции на Дальнем Востоке генерале Д.Л. Хорвате, который в 1921-22 гг. оставался непоколебимым оплотом Белой армии в Сибири (наравне с атаманом Г.М. Семеновым и бароном Унгерном). Случаен ли такой целенаправленный интерес к генеральской верхушке?

«Отбор генералов» начался еще задолго до приезда в Харбин. Летом 1932 года вице-президент Музея Рериха Э.Г. Фосдик (Лихтман) направила письмо брату Н.К. Рериха, Владимиру Константиновичу, в котором она просила передать книги Юрия Рериха «По тропам Срединной Азии» не кому-нибудь, а двум уважаемым генералам — Хопра и Мори. Приведем здесь письмо к начальнику охранных войск по Южно-Маньчжурской железной дороге генералу Мори, так как эта фигура имеет важное значение для понимания Харбинской миссии.

«9 июня 1932. Дорогой генерал Мори, согласно распоряжениям доктора Джорджа де Рериха, я с удовольствием пересылаю Вам, через В.К. Рериха, его новую книгу «По тропам Срединной Азии», снабженную приветствием автора. Д-р Дж. де Рерих, который относится с величайшим почтением к Вам и Вашей великолепно осуществляемой работе, будет очень благодарен, если Вы примете его труд, и надеется на отклик по прочтении книги. Искренно уважающая Вас, *Зинаида Лихтман*» [23].

Весьма вероятно, генерал Мори был выбран не случайно. Этот выбор имел под собой некоторую мистическую подоплеку. Фамилия генерала практически совпадала по транслитерации с именем Учителя Мории. И хотя такие фамилии, как «Мори», «Морев», и даже на французский лад «Моруа», были широко распространены в светской среде,

среди интеллигенции, но Рерихи избрали именно армейского генерала. Он являлся крупным военным деятелем и был, следовательно, идеальной фигурой для претворения в жизнь их замыслов. Любой генерал — это, прежде всего, армия и ее солдаты, а Рерихам нужна была армия.

Весной 1934-го, по пути на Дальний Восток, Рерихи встретились в Париже с целым рядом русских генералов, исповедующих философию «утвержденцев». (Находясь на чужбине, «утвержденцы» стремились к защите отечества и помощи ему всеми средствами). Встреча произвела на всех глубокое впечатление. За Н.К. Рерихом закрепилось имя, данное ему полковником Шмаковским, — «Богатырь духа». Генеральный секретарь Французской Ассоциации друзей Музея Рериха Г.Г. Шклявер начал сближаться с этим политическим движением, вероятно, по настоянию Н.К. Рериха. 7 и 14 марта, а затем 30 мая он посетил собрания «утвержденцев», вдохновленный недавней встречей «со своим Гуру» и горячо веря в то, что «начинается новая страница в исторических судьбах Родины». И в дальнейшем продолжал регулярно посещать эти собрания. 28 ноября Шклявер даже выступил на заседании «утвержденцев» и прочитал «обширный» доклад «О перспективах российской национальной внешней политики». Тема говорит сама за себя. Он писал Н.К. Рериху, который находился уже в Харбине: «Генерал Оприц просил передать Вам привет, а также атаман Богаевский... и генералы Акулинин, Хорошкин, Черячукин и проч.» [24]. Кстати, будучи в Париже, Рерих посетил Казачий музей и имел беседу с его главой, генералом графом Граббе. В дальнейшем они обменялись письмами. Генерал благодарил за «Знак» (чаша со змеем на лиловой ткани), преподнесенный в дар музею. Уже в Харбине Рерих опубликовал свой очерк «Утверждение», прославляя «рост живых начал» в организациях «утвержденцев».

Все эти незначительные, на первый взгляд, события, происходившие в Париже, приобретают совершенно другой оттенок, а может быть, даже вписываются в стройную систему, если учесть, что Шклявер причисляется к создателям «Российского Эмигрантского Оборонческого движения». Важнейшим постулатом этого «движения патриотов» являлась идея сохранения «русской территории», невзирая на большевиков («большевизм сам кончится») [25].

Однако самый тесный контакт в Париже был установлен с генералом Н.Н. Головиным. Повод нашелся удобный — Ю.Н. Рерих слушал курс его лекций во время обучения в Сорбонне в 1922/23 годах. Этот генерал, известный всей русской эмиграции как крупный военачальник и педагог, прославился своими знаниями в области стратегии и тактики

ведения военных действий. Еще в середине 20-х он предпринял попытки создания «положительной науки» о войне. В Белграде вышла знаменитая книга Головина «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы» (1925). Естественно, что Н.К. Рерих включил генерала в орбиту своих действий. Он попытался организовать для Головина курс лекций (на иностранных языках) в Америке, а может быть, и на Дальнем Востоке, в Японии и Маньчжурии. Через неделю по прибытии в Нью-Йорк Рерих направляет И.А. Кирилову, брату председателя недавно образованного Сибирского Общества при Французской Ассоциации, открытку с просьбой сообщить ему биографические сведения, касающиеся Н.Н. Головина.

«20 марта 1934. Дорогой Иван Акимович, сейчас получил запрос от носительно “Куррикулум Вите” генерала Головина. Это необходимо для будущих лекций. Будьте добры прислать эти данные с ближайшей почтой. Привет всем друзьям. Сердечно, Ваш Н. Рерих» [26].

Этот запрос несколько раз повторяется в последующих письмах к Кирилову, что говорит об исключительной важности намеченного лекционного турне.

Именно И.А. Кирилов, вместе со своим братом А.А. Кириловым ответственный за сибирское направление работы в Обществе, берется упрочить контакт с Дальним Востоком, с японской и харбинской печатью. Ему помогает Г.Г. Шклявер, делая ставку на представителя посла Японии во Франции господина Судзуки. «Сейчас я укрепляю позиции по всему нашему широкому фронту, — пишет Шклявер Н.К. Рериху. — С Ал. Ак. Кир[иловым] мы обсудили наметившиеся благодаря Вам новые пути сотрудничества... Мне удалось создать мост между сибиряками и Судзуки» [27]. Нужно сказать, что во Франции Николай Константинович лично встретился с японским послом. «Посол был чрезвычайно доволен встречей» [28]. А Шклявер впоследствии стал получать от посольства «различные материалы о Маньчжоу-Го».

И.А. Кирилов принимается за составление книги «Сибирь и ее будущее». Она задумывается как сборник статей, в который будут включены очерк самого Рериха «Сердце Азии», а также статьи «Сибирь. Краткий географический и исторический очерк» (И.А. Кирилов), «Железнодорожные и речные пути сообщения Сибири» (П.Ф. Козловский), «Казачество в Сибири» (генерал Хорошкин), «Дальний Восток и Япония» (архиепископ Нестор), «Вклад Сибири в мировую культуру» (А.А. Кирилов). Что называется, гвоздем программы планируется в сборник огромная по объему (по существу две отдельные статьи) работа генерала

Головина «Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке». Оформить Сибирский сборник Н.К. Рерих предлагает своей картиной «Ойрот, Вестник Белого Бурхана» и рисунком «Белухи» из путевого альбома, что вполне будет отвечать, по выражению художника, «чувству Азии». Книга намечена к выпуску в издательстве «Рерих Музеум Пресс» на английском и французском языках, дабы «позволить иностранцам оценить значение Сибири в судьбах мира» [29]. Срок ее выхода в свет — конец 1934 или начало 1935 года. Однако ноябрьские события в Харбине — о них еще пойдет речь далее — заставили Рериха отказаться от издания книги «Сибирь и ее будущее». Она навсегда была похоронена в архивных бумагах американского издательства.

Чтобы усилить и провести в жизнь сибирскую идею, Рерих осенью 1934-го предпринял издание самостоятельной книги «Священный Дозор». В нее вошли в основном его харбинские очерки и выступления. Причем даже взгляд мельком не упустит программный характер большинства статей. В книгу было включено приветствие Н.К. Рериха «Славное Сибирское казачество» (речь в Харбине 3 октября 1934 года), в котором он напоминал о «великом еще несказуемом значении Сибири», о знамени Ермака Тимофеевича, о Сибирских кооперативах и алтайской вершине Белухе. «Белуха стоит белоснежным свидетелем прошлого и поручителем будущего» [30].

Эта речь стала залогом высокого авторитета Рериха в кругах местных казаков. Доверительные отношения установились с руководством Сибирского Казачьего Войска. В ноябре состоялось новое выступление академика перед казаками в театре «Весь Мир». И вскоре он профинансировал издание «Войскового Юбилейного Сборника». Сохранился в копии один редкий документ, письмо председателя Войскового представительства в Харбине Сибирского Казачьего Войска, адресованное Рериху.

«26 февраля 1935 года. Глубокоуважаемый Николай Константинович. С большой радостью получил я Ваше письмо от 21 января с.г. Я поспешил сейчас же ознакомить с ним членов Войскового Представительства, а затем и всех станичников нашей здешней станицы.

Войсковое Представительство в своем заседании, заслушав Ваше письмо и мой доклад, постановило:

“Просить Председателя засвидетельствовать великому русскому художнику академику Николаю Константиновичу Рериху наше глубокое уважение и искреннюю признательность за его щедрый дар на издание нашего Войскового Юбилейного Сборника. Воспоминание об этой помощи нам в нашем войсковом деле Сибирские казаки унесут с собою в родные станицы вместе с

образом великого русского художника и большого мыслителя, просветленному и умудренному взору которого ясно видно, что возрождение нашего поверженного в бездну греха русского народа, восстановление нашего Великого Отечества близится. Русский народ отшатнется от измышленных кумиров и вернется к истинному Богу и будет строить свое государственное существование на основах Веры, Доблести и Труда. И верный сын Родины, Сибирский казак, в бодрости, имея дальних и ближних друзей, дойдет до Родной земли и под сенью знамени Ермака Тимофеевича будет верно и преданно служить Ей как встарь”.

Копию Вашего письма ко мне и постановления по нему Войскового Представительства я сообщаю всем станицам Сибирского Войска, вынужденно находящимся в Великом Русском Рассеянии. Прошу принять наши уверения в неизменно глубоком к Вам уважении и преданности. Председатель Войскового Представительства, *полковник Березовский*» [31].

Еще в сентябре 1934 года, по завершении первого этапа экспедиции в Баргу, произошло событие, которое спутало карты сразу всем политикам. РОВС перекупил харбинскую газету «Русское Слово» на пожертвование, сделанное руководству Союза академиком Рерихом из его личных средств. Пожертвование в размере 1000 американских долларов [32], по тем временам огромное. Фактически был приобретен собственный печатный орган, который мог формировать общественное мнение в среде русской эмиграции. Добавим, что в благодарность РОВС избрал Рериха почетным членом редакции, а уважаемый академик, в свою очередь, «рекомендовал» газете трех корреспондентов. Это были Г. Шклявер, В. Шибаетов и И. Муромцев — сотрудники рериховских учреждений соответственно во Франции, Индии и Америке. Таким образом, покупка газеты стала серьезной политической акцией Н.К. Рериха, «решившего подчинить Союз своему влиянию» [33], как писала впоследствии местная пресса.

Первый номер возобновленной газеты вышел незадолго до Дня Непримириости, который отмечался повсеместно 7 ноября 1934 года молебнами и заседаниями. (День русской скорби и траура выражал идею скорейшего освобождения России от большевизма). Но газета явилась только начальным шагом к согласию политических партий и разрозненных сил азиатского зарубежья. Момент был решительный, и Рерих выступил главным идеологом собрания, состоявшегося в День общеэмигрантской непримириости. Заседание было устроено в помещении Русского клуба по инициативе Общевоинского Союза, Трудовой Крестьянской партии и Союза Младороссов. Свою солидарность выразили и другие организации: Военно-Монархический Союз, Легитимисты,

Союз Нового поколения, Беженский Комитет. Харбинская пресса писала, что на собрании «особенно ярко выявилось стремление русской эмиграции к необходимому объединению... во имя России» [34]. Некоторые считали объединение уже свершившимся фактом.

Газета «Русское Слово» вышла с заголовком «День Непримири-мости объединил всю эмиграцию» (8.11.1934). Она опубликовала полный текст речи высокого покровителя РОВСа академика Рериха. Речь начиналась словами: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!». Впрочем, этими же словами и заканчивалась. (Вспомним гимн композитора Завадского!) Она была посвящена религиозным основам сотрудничества. Фактически в речи содержался призыв к близкой борьбе «под знаменем Духа Святого» с богоборческими силами.

«Не однажды человечество, обуянное тьмою, выступало на богоборчество... Не однажды народы обрекали себя на одичание и утеснение. Гидра безбожия пыталась поднимать свою ядовитую голову, но каждый раз подтверждалась истина, что Свет побеждает тьму. После темноты еще ярче Свет.

В сиянии солнца солнцу невозможно спать, и встает человек в бодрствовании к новому труду, к созиданию. И теперь расточатся все враги Бога. Народы поймут светлую ответственность созидания. Созидание требует сотрудничества. Сотрудничество требует доверия... Не будет повторением твердить об единении. Даже пчелы и муравьи малые знают эту основу...

Оружие Света, заповеданное Апостолом, куется в сотрудничестве. Идущие за Бога не могут рассеяться. Воинство светлое может проверять доспехи свои, но движение добра и строительства замирать не может. Не всегда заметны обычному глазу сроки и внутренние движения... В час сужденный, в час близкий зазвучат бранные трубы в светлом приказе: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!» [35].

Полный пафоса клич Рериха показался харбинцам несколько абстрактным. Некоторые эмигрантские круги, в частности, партия харбинских фашистов К.В. Родзаевского, расценили «траурное заседание» как «попытку создания антифашистского блока». Сам же Рерих знал определенно, чего он хочет, возможно, собирая воинство для будущих азиатских походов. По крайней мере, он хорошо усвоил по приезду в Харбин настроение разнородных слоев русского общества, которое очень точно выразил глава Академической группы проф. Г.К. Гинс: «Мы, солдаты, ждущие своего призыва...» [36].

Накануне отъезда рериховской экспедиции в глубь Монголии, 17-го ноября 1934 года начали происходить события, которые нанесли удар по «военным замыслам» Рериха, связанным с его идеей построения нового

Сибирского государства. Русская фашистская партия раздула в прессе травлю Рериха и его учреждений в Харбине. Провокационный материал появился сразу в трех газетах, финансируемых японцами. Можно предполагать, что это было делом рук японской разведки, которая сняла фотокопии частных писем Рериха в почтовой конторе на японском судне «Катору Мару» осенью 1924 года. И ровно через 10 лет эти письма всплыли как компромат на «легата Белого Братства» в связи с его планами «захвата Сибири». Военная ориентация Рериха и его сына, их работа среди эмиграции, вероятно, становилась помехой в намерениях Японии постепенно подчинить молодое государство Маньчжоу-Го своему влиянию.

Что именно предприняли Рерихи, чтобы противостоять выпадам, спровоцированным японской стороной, сказать с определенностью невозможно. Известно, Николай Константинович обратился по дипломатическим каналам к правительству Японии с просьбой дать официальную оценку развязанной против него кампании. Министерство иностранных дел Японии ответило Рериху через свое посольство в Пекине письмом господина Сайто, в котором заверяло, что «инциденты такого рода не повторятся» (14.2.1935). Однако дело было сделано, и все остались при своих интересах. Харбинские газеты в апреле и мае 1935-го снова выступили с обличением великого «масона и розенкрейцера». А Рерих отправился в длительную экспедицию на окраины Гоби. Основной сезон полевых работ начался в марте, когда экспедиционный отряд тронулся из Пекина на Калган, и длился до сентября 1935 года. Именно этот период является крайне важным для понимания «военных интересов» Рериха в Азии.

В нашем распоряжении имеется копия неопубликованного маньчжурского дневника (1934-35) Ю.Н. Рериха. Он представляет собой небольшую записную книжку, 60 листов, на развороте форматом в половину тетрадной страницы. Этот дневник — действительно малого объема, на каждый день приходится записи в среднем по 3-10 предложений. В отличие от дневника отца, Н.К. Рериха, и экспедиционных дневников подобного рода, у Юрия Николаевича подробно представлен материал, пригодный для составления военных маршрутов (карт) или ведения боевых действий (топография местности, замеры высот, расстояния в милях от характерных природных объектов, русла пересыхающих рек, повороты дорог, роза ветров). Наибольшее удивление вызывает подсчет японского транспорта, а также план-схема ставки Барун-сунитского князя Дэвана, каменные постройки которой потенциально могли использоваться для

Юрий Рерих в экспедиции

обороны и укрепления военных отрядов. Учитывая предельную краткость дневниковых записей, приходится отдать должное их автору в приоритете сведений военного характера перед ботаническими и этнографическими.

Для наглядности приведем выборочно цитаты из дневника Ю.Н. Рериха за 1935 год.

«31 марта. Дорожная застава Хоруг-суму. Выехали на Калганский тракт двумя милями западнее Улан-нурской заставы. Возле Улан-нура встретили два японских автомобиля, ехавших из Долон-нура.

2 апреля. Значительные перемены [настроения] у местных монголов. Рост милитаризма.

9 апреля. [Князь] Ван ожидал приезда губернатора Калгана, генерала Сунь-чи-ина, который, по слухам, находится в пути, с 800-ми солдатами.

12 апреля. 11-го через Хатан-суму проехало два японских грузовика по направлению в ставку.

13 апреля. Вечером пришло известие, что калганский генерал-губернатор вернулся в Калган, простояв в ставке неполный день. Всего с ним шло 11 машин, из них 6 грузовых с солдатами конвоя.

14 апреля. Рано утром две японские машины из ставки прошли в Долон-нурском направлении (одна грузовая и одна легковая).

6 мая. Сильный W-NW ветер. Ожидаем сегодня возвращения машины из Калгана. Начали собирать монгольские кличи... К вечеру в направлении на Сунитскую ставку прошли 4 японских грузовика, следовавшие по Долон-нурской дороге.

7 мая. Сильный NW ветер продолжается. Утром 4 японских грузовика прошли в обратном направлении.

9 мая. [Высота] 4600 футов. 14890 миль [по спидометру]. Выехали в 8.20 утра... Выехали на Ургинскую дорогу. 14897,47 м. — налево Ларсеновская заимка (скот). 14904,04 м. — Хоток-суму по левую руку. Азимут с точки на дороге 250°. [Высота] 4300 футов. 14913,12 м. — сухое русло реки. 14913,13 м. — колодец по левую руку. Пески. Дорога вдоль сухого русла реки... 9.45 утра. Налево от дороги у подошвы холма Даянги-хит азимут с точки на дороге 180°. 4100 футов (25 миль от Цаган-Куре). 9.55 утра. Тронулись. Направление на NW... 14918 м. — дорога пересекает сухое русло реки, песок. Сарингол. По левую руку от подошвы горы аил. 14926 м. — колодец. 14927 м. — ставка. 4000 футов... В ставке виделись с новым мейреном... Любопытный разговор с представителем Таши-ламы.

12 мая. Утром прошли два японских грузовика с людьми. Оказалось, что партия топографов, занимается съемкой и переписью населения и скота... Говорят, что в марте князя посетили четыре японских чиновника и привезли ему титул полковника маньчжурской армии. В январе месяце 30 мальчиков из Барун-Сунита были отправлены в Японию для обучения.

13 мая. Ночью и утром снежная вьюга с N ветром. В 8 утра + 1°C. Чертил маршрут на ставку Барун-Сунит. Прошли обратно четыре японских грузовика.

26 мая. В 6 часов выехали в Rai-lin mien. 46-я миля [пути] — колодец. 59-я миля — колодец слева. Горы по левую руку. 86,5 м. — песок. Шара-мурен — 4000 футов. 121 м. — колодец. 135 м. — монастырь. Перед монастырем сухое русло. Дорога в общем хороша. Пески около Болтай-суму и около Шара-мурена. Живописный монастырь Шара-мурен, резиденция воплощенца Чу-чжи-стон ринпоче.

12 июня. Дождь. Утром сменная езда [на лошадях]. Два японских грузовика по направлению к Долон-нуру. Вечером еще одна машина.

16 июня. Теплый безветренный день. С утра сменная езда. Прошли в направлении Барун-сунитской ставки две японские машины: одна грузовая, другая легковая военная» [37].

Цели написания экспедиционного дневника Ю.Н. Рериха не вызывают никакого сомнения. Он носит исключительно военный характер.

И предназначался, видимо, для будущих операций на дальневосточном театре военных действий. Во всяком случае, это — закономерное предположение, которое подтверждается и другими косвенными фактами из биографии Юрия Рериха.

Во время пребывания в Харбине Ю.Н. Рерих прочитал цикл лекций на Юридическом факультете (возникшем еще в 1920-м году под названием «Высшие экономическо-юридические курсы»). Эти лекции читались с сентября 1934 года по ноябрь включительно. Они были озаглавлены «Средняя Азия — колыбель великих кочевых империй древности». Причем некоторые из них докладчик посвятил «Великим ханам» — жизни и завоеваниям Чингисхана и Тимура.

Ю.Н. Рерих не упускал случая, чтобы выступить на собраниях и юбилеях, которые часто устраивались в среде русской эмиграции. Так, на вечере Сибирского казачьего союза он прочел лекцию «Казачество в Средней Азии» (14.11.1934).

Тема казачества вообще была излюбленной для выступлений. Этнографический материал свидетельствовал, что у казаков, в их быту «сохранилось все наиболее лучшее из великого азиатского наследия». Такой сравнительный подход в лекциях Ю.Н. Рериха давал ему возможность легко перекинуть мостик к военным сюжетам и привлечь симпатии русских казаков, сделать их своими союзниками. В интервью харбинской газете «Заря» Ю.Н. Рерих сказал:

«Для нас русских, особенно военных, очень интересно, что в тибетских кочевых дружинах мы встречаем много знакомого. Лет 60 назад Российской Академией Генерального Штаба была издана книга ген. Иванова о тактике кочевых народов. С тех пор этой областью никто не заинтересовался. После моего многолетнего пребывания среди кочевников Тибета, дружеских встреч и боевых столкновений с ними, я продолжил эти исследования и в свое время прочел в Америке небольшую [лекцию] “Тактика кочевых дружин в Средней Азии”. Если мы понаблюдаем за обстановкой вокруг всадника и боевого коня среди [тангутских] племен Кокунора, в северо-восточном Тибете, то мы можем увидеть прямую параллель с нашими казачьими частями» [38].

Ю.Н. Рерих зарабатывал в Харбине политический капитал, точнее говоря, использовал любой повод, чтобы представить себя публике профессиональным военным. Это ему с блеском удавалось. Он даже добился большего, чем можно было ожидать. В эмиграции среди русских бытовала странная легенда о личности Юрия Рериха. Журналист Н.М. Языков в газете «Новая Заря», в статье, посвященной выходу рижской монографии «Рерих» (1939), вспоминал о своей встрече в 1934 году с

Н.К. Рерихом и его сыном. В Шанхае, в отеле «Астор-Хаус», он взял у академика Рериха интервью.

«Постучав в номер, я был встречен сыном ученого, молодым человеком с бородкой, по внешности необычайно похожим на императора Николая II. Русая бородка клинышком, такие же красивые глаза...

Сын Рериха, бывший его секретарем во время поездки, также был весьма колоритным человеком, и его наружность приводила многих прямо в смущение своим сходством с покойным царем...» [39].

Возможно, одного из Рерихов предполагалось «возвести» на будущий Российский престол? Этот улыбочивый риторический вопрос приобретает больше смысла, если обратиться к записям Зинаиды Фосдик. В ее дневнике есть пометка о Николае Константиновиче, сделанная 11 апреля 1934 года, — «Николай Третий» [40]. Запись достаточно убедительная и здравая, с намеком на императорское наследование. Вопросы и предположения можно расширить. Не мог ли стать во главе государства Рерих-младший? Может быть, Юрий Рерих — это потаенный запасной вариант «Мирового Плана»... В канун Рождества Георгий Шклявер писал своему названому брату Юрию: «Радовался, читая в “Русском Слове” о Твоих успехах в Харбине, о лекциях, которые Ты прочел там. Каждый год приносит Тебе новую славу, а 1935-й год — подготовительный к великим событиям 1936 года, когда Имя Твое прозвучит во всем мире» [41].

III.

Для понимания харбинской миссии Н.К. Рериха придется еще раз возвратиться к ноябрьским событиям 1934 года, которые сотрясли весь Русский Китай (а позже докатились и до Америки) и фактически предопределили судьбу Маньчжурской экспедиции.

Что же произошло в Харбине? Почти одновременно три русскоязычные газеты, существующие на японские концессии, — «Харбинское Время», «Возрождение Азии» и «Наш Путь» опубликовали клеветнические статьи. Они были направлены не только против Н.К. Рериха, но и той части русской эмиграции на Дальнем Востоке, которая сумела «оценить миссию этого великого Посла, несущего им веру и надежду на идущие исторические события и грядущее освобождение» родины [42]. На Рериха посыпался шквал обвинений в том, что он является представителем «тайных сил», легатом Великого Белого

Братства — АМОРК (Античного Международного Ордена Розы и Креста*).

В первой же своей публикации газета «Харбинское Время» ставила риторический вопрос, на который никакого ответа не требовалось: «Не связан ли приезд академика Рериха сюда с образованием нового государства Маньчжоу-Го?» (17.11.1934). После редакционной статьи были помещены фотокопии писем Н.К. Рериха, адресованные его брату в Харбин. Взрыв подозрительности основывался на том, что в посланиях к В.К. Рериху встречались непонятные выражения об «Учителе М.», кооперативе «Белуха» и рекомендация «до срока побывать на службе у Чжан Цзолина». Что такое «Белуха», помимо того, что это название самой высокой горы на Алтае, эмиграция не знала. Зато все прекрасно были осведомлены о китайском генерале Чжан Цзолине, который, будучи маньчжурским наместником, в начале 20-х предпринял попытку объединиться с бароном Унгерном для свержения правительства Монголии.

Одно из этих писем представляется настолько важным, что будет уместно привести весь практически полный его текст, восстановленный по газетным оттискам (в самой газете напечатаны разрозненные выдержки).

«Катори Мару, 12 января 1925. Родные мои, приближаемся к Цейлону. Опустим это письмо на борту — пусть оно на том же корабле плывет к Вам. В последнем письме П.А. [Чистяков] жалуется на материальное положение. Пока мы не признаем, что материальные испытания на благо, до тех пор нам трудно идти вперед. А между тем, сейчас в мире происходит такая перемена, что и мы не должны отставать в понимании.

Не могу доверять бумаге многое происходящее, но одно можно сказать, что мы на границе совершенно новых достижений. Уже слово «Белуха» произнесено на бумаге, и невидимый шаг к Сибири уже сделан. Все протекает в правильных сроках, и Вы не поверили бы, если бы я описал только что бывшее со мною в Нью-Йорке, Чикаго, Париже и Берлине. Прошло два месяца напряженной работы и достижений. При Водящей Руке можно было сделать многое для будущего. Слушайте чутко все происходящее в Азии. Из этого центра Мира развернется будущее. Среди трудностей жизни мечтайте и о строительстве, и о сельском хозяйстве, и о жизни на новых местах.

Письмо это лучше уничтожить, ибо многое еще не следует произносить в пространстве. Пишите пока по прежнему адресу в Дарджилинг. После мая

---

* Русский вариант расшифровки аббревиатуры. AMORC — Ancient Mystical Order Rosae Crucis, Древний Мистический Орден Розы и Креста. В 30-е годы штаб-квартира Ордена Розенкрейцеров находилась в Калифорнии, США.

пишите: с/o Kashmiri General Agency. Srinagar, Kashmir, India. Они перешлют в горы, где мы будем искать летопись о Будде и о жизни Христа в Тибете. Плыдем хорошо. Шлем Вам стрелы бодрости. Духом с Вами, Н. Рерих» [43].

Опубликованием перехваченного письма был нанесен первый удар по планам Рериха. Началась травля уже признанного лидера и его учреждений в Харбине — Комитета «Пакта и Знамени Мира» и отделения издательства «Алатас».

На следующий после «разоблачения» день «Харбинское Время» озаглавило полосу на своих страницах «План Аморк — создать в Сибири масонское государство», переопубликовав повторно те же самые выдержки из письма Рериха. Газета упивалась неизвестным словом «Белуха», смакуя его на все лады, и пришла к заключению, что его таинственный смысл не что иное как название новой ложки масонов. А сам Рерих «принадлежит к числу величайших заговорщиков, поставивших целью овладеть всей политической властью над Сибирью» (18.11.1934). В течение недели ежедневно газеты публиковали аналитические обзоры, в которых разбиралась деятельность Рериха в Харбине и задачи его экспедиции в Северную Маньчжурию и Монголию. Выводы сводились к следующему — существует реальный план образования из Сибири, при поддержке американского капитала, самостоятельного государства. «Это государство ложится разделом между враждебной коммунистической стихией Европо-Азии и Императорским монолитом Ниппон, где находит приют многотысячная масса русской эмиграции» [44]. В белоэмигрантских кругах никто не сомневался, что главой будущего «Сибирского правительства» должен стать академик Рерих. Здесь же вспомнили и о книгоиздательстве «Алатас», которое распространило свое влияние на Сибирь, Китай и Японию (директор издательства писатель Г.Д. Гребенщиков — тоже «масон»), о неправославных взглядах Рериха и его посещении красной Москвы в 1926 году.

Как часто и бывает в таких случаях, нет дыма без огня. Газетная шумиха имела под собой некоторую правдивую подоплеку. За две недели до разразившегося скандала, 2 ноября 34-го Н.К. Рерих направил через Департамент сельского хозяйства США письмо президенту Ф.Д. Рузвельту. Вместе с письмом он послал очерк «Да процветут пустыни» на русском языке и его английский перевод.

Этой своей статье Рерих придавал очень большое значение, настолько большое, что оценке оно сегодня, пожалуй, не поддается. Девиз «Да процветут пустыни» стал жизненно важной формулой, которая использовалась при каждом удобном случае — в письмах к сотрудникам,

в интервью прессе и в публичных выступлениях. Именно такое название Рерих хотел вынести на обложку книги очерков, посвященной Маньчжурской экспедиции. И конечно, это не могло быть простой случайностью. Именитый путешественник писал о некогда цветущей стране, о которой осталось смутное воспоминание лишь в старых китайских хрониках. Она существовала в бывших владениях Чингисхана и со временем была поглощена пустынной Гоби. Ровно через полгода после первого Рерих написал еще один очерк — «Сад будущего», где вернулся к теме оживления пустынь. Ссылаясь на авторитет другого исследователя, Свена Гедина, он вторил ему: «Огромные пустыни Центральной Азии когда-то были обитаемы миллионами людей и могут зацвести опять, вызвав наружу исчезнувшие реки» [45]. Публично Рерих изложил стратегический план образования нового азиатского государства. Он даже упомянул о «шамбалинской войне» и о вожде «с большим сердцем» [30]. Но люди еще не научились читать между строк.

В ответном послании 7 декабря 1934 года Г.Э. Уоллес сообщил профессору Рериху, что «президент очень заинтересовался письмом». И суть его вопросов сводится к следующему: «Была ли страна, являющаяся сегодня пустыней, покрыта деревьями, полями и более пышной растительностью, чем в настоящее время?» [46] и «в каких монастырях, где хранятся рукописи», в которых дано описание страны, ушедшей в пески в XVI веке?.. Уоллес также упоминал и о других подобных вопросах, заданных Рузвельтом г-же Е.И. Рерих. Вскоре с Гималаев президенту Соединенных Штатов было направлено письмо. В нем содержался ответ на запрос о «Новой Стране». Точнее говоря, это было пророчество, а может быть, и давно выношенный всей семьей Рерихов далеко идущий замысел.

«Великое государство возродится на Востоке. Это начало принесет то равновесие, которое столь неотложно необходимо для построения великого Будущего... Итак, наступило время реконструкции Востока... Союз народов Азии — решенное дело, союз племен и народов будет осуществляться постоянно, это будет нечто вроде Федерации стран. Монголия, Китай и Калмыкия создадут противовес Японии...» [47].

По странному стечению обстоятельств как раз 7 декабря 1934-го в дневнике Н.К. Рериха впервые появилось упоминание о проекте «Канзас» [48]. Этот проект — обставлен глубочайшей конспирацией, которая была, естественно, необходима после харбинских скандалов и разоблачений. Даже в своем собственном дневнике Николай Константинович писал иносказательно. «Требуется осмотрительность в выражениях, чтобы

не было недоразумений» (8.4.1935). Он завуалировал понятие «Новая Страна» и заменил его на отвлеченные — «дело Канзаса», «штат Канзас», «Канзас скул» и т.д. Кстати, на эту деталь уже обратили внимание современные американские исследователи. «Определенно, что “Канзас” не имеет отношения к Канзасу в Соединенных Штатах» [49]. Однако истинный смысл этого географического термина у Рериха остается до конца не разгаданным. Некоторые справедливо считают, будто бы так называлась Монголия. Если и Монголия, то это будет только половина правды. Идея гипотетической «страны» имела отношение к огромной пустынной территории, включающей Внутреннюю и Внешнюю Монголию, часть Китая (провинция Синьцзян), окраинную область Северо-Восточного Тибета и Сибирь (Алтай, Калмыкия, Тува и пр.). Означенный ареал охватывал исконные земли буддистов и лам.

Еще за 10 лет до Маньчжурской экспедиции в дневнике Е.И. Рерих появилась запись: «Давайте управлять областью от Алтая до Гоби» [14]. Именно тогда и обозначилось название для нового государства — *Священный Союз Востока (ССВ)*. Идея этого «Восточного Союза» выношена как самая сокровенная и важная, главное дело всей жизни Рерихов. Упор делался на пустынные «каракорумы». Решено было обводнить пустыню, укрепив границы с Китаем. Затем дать политическую свободу Монголии, т.е. провозгласить ее независимость от соседей (в том числе от большевиков). И наконец, призвав под знамена монголов, отстоять с оружием в руках Тибет от китайских притязаний. Венец Плана — обнародование Священного Союза Востока в Звенигороде в 1936 или 37-м году.

Первый этап проекта «Канзас» четко был изложен в дневнике Е.И. Рерих. Конечно имеется в виду суть проекта, а не его название. Речь шла об аграрной стране, которая будет ориентироваться в своей жизни на сельское хозяйство.

«Семь раз М[ория] предводительствовал народами. Опять почти опустевшая страна получит чашу Славы. Занятые государства упустят рождение *нового государства*. Позабыли, как система озер легко дает орошение, и реки с гор могут легко нанести целую сеть каналов. Проверив уровни земли и естественные наклоны, даже плохой инженер догадается, как можно оросить явленную пустыню. Только надо шире мыслить и не забывать, что многие потоки стали подземными. Их не трудно на поверхность вызвать» [50].

Камнем преткновения любого дела являются, конечно, люди. И в рериховском проекте тоже надо было «думать о народе, который заселит эту пустыню». По подсчетам требовалось 10 миллионов «отборных людей»,

чтобы в «Новой Стране» обрабатывать землю и сеять хлеб. Не совсем понятен вопрос о национальном составе населения. Похоже, что «отбор» предполагался по религиозному принципу. «Новая Страна поставлена на помощи лам» [51]. Быть может, это те самые поклонники Будды, которые готовы были сражаться на священной войне, — монголы, русские, калмыки, буряты, татары и небольшая часть китайцев и тибетцев.

Финансирование проекта «Канзас» намечалось осуществить через Америку. Основной капитал обещал предоставить Л.Л. Хорш, крупный финансист и президент Рериховского Музея. А идеологическое покровительство ложилось на самых влиятельных граждан США Ф.Д. Рузвельта и Г.Э. Уоллеса. В начале декабря 1934-го Н.К. Рерих запрашивал своих сотрудников в Нью-Йорке о «Канзасе», подчеркивая, что «это обстоятельство чрезвычайно спешно и полезно; нужно бы знать ваш ответ по этому канзасскому делу как можно скорей» (8.12.1934) [48]. Требовалась сумма до двух миллионов американских долларов в виде займа на пять лет. Так определил Рерих. Ставка делалась на хозяйственную деятельность в монгольских степях и алтайских предгорьях. «В Канзасе и уголь, и всякие прочие ископаемые, — писал Николай Константинович. — Вы лучше меня знаете и о скотоводстве тех мест» (8.12.1934). Прибыльная статья — разведение животных (баранов и маралов), выращивание лекарственных и кормовых трав (например, востреца, травы полезной для скота).

Гарантией под займ выступает предполагаемый доход с соляных озер. При установлении границ «Новой Страны» появится возможность дохода от таможенных сборов. В середине января 1935-го Ю.Н. Рерих направляет письмо Э.Г. Фосдик для передачи сведений в Белый Дом. Связь с министром Уоллесом осуществляет лично Ф.Р. Грант, сотрудница Музея, постоянно курсируя между Нью-Йорком и Вашингтоном. Прежде чем процитировать письмо Юрия Рериха, заметим, что в нем используются духовные имена Генри Уоллеса и Франсис Грант — Галахад и Модра. Это штрих к разговору о конспирации и духовных взаимоотношениях.

«Уверен, что при содействии Галахада весь вопрос примет скорый и полезный оборот. Эти дни пытался выяснить сведения, о которых просил Модрин друг [Уоллес] для своего физико-географического исследования: главным обеспечением является доход с соляных озер. Так, озеро в Алашани (Чжарента-нур) приносит М[ексиканских] \$ 500.000 таможенного сбора за год; Ихе и Бага Шикир-нур в Ордосе приносят до М\$ 300.000 в год; озеро Хара-мангнай приносит М\$ 200.000—\$ 150.000 в год; Ирене Дабасун-нур

столько же; Чонхор Дабасун-нур — М\$ 200.000 таможенного сбора. Имеется также каменный уголь хорошего качества и другие полезные ископаемые, о которых сообщу дополнительно» [52].

Не прошло и трех дней после письма в Америку, Н.К. Рерих высказывает новое соображение, которое дополнило «вопрос о гарантиях». Он рекомендует начать образование кооперативного банка. Вдогонку письму летят телеграммы. По прошествии месяца Рерих снова торопит с банком для «Канзаса». «Должен быть создан банк, тогда многое станет еще проще» (22.2.1935) [48].

В начале марта экспедиция покидает Пекин и направляется в глубь Монголии для наблюдения за растительностью Гоби и сбора семян. Из Америки еще нет ясных решений относительно всего проекта в целом. Уоллесу и Хоршу недостает гарантий. Рерих же непрестанно торопит. В его дневнике слово «Канзас» мелькает очень часто, в записях буквально на каждый день. «Опять повторяю: Канзас, Канзас... У нас ежедневно десятки раз упоминается Канзас. Сейчас построение этого культурного дела особенно значительно и неотложно...» (15.3.1935).

На фоне борьбы за «Канзас» идет подготовка к подписанию в Вашингтоне «Пакта Мира», предложенного Н.К. Рерихом. Этот документ в защиту культурных ценностей во время вооруженных конфликтов утверждается странами Американского континента 15 апреля 1935 года. От имени США его подписывает Г.Э. Уоллес (по поручению президента Рузвельта). Но именно в силу этой международной акции руководители Соединенных Штатов оказываются крепко-накрепко связанными с Рерихом в глазах мировой общественности. Следовательно, любой новый шаг, где затронуто политическое лицо целой страны, причем такой могущественной, как Америка, должен быть тщательно выверен. Накануне подписания Пакта, 14 апреля, в Цаган Куре приходит телеграмма, которая требует у Рериха уточнения деталей плана. Уоллес занимает выжидательную позицию, что для политика его масштаба вполне естественно.

«Требуются детали в состав администрации место отношение прочих штатов проценты займа потрачиваемые здесь и для чего дополнительные гарантии возможность концессий и как именно гарантируется стоп Требуется средство для телеграмм о Канзасе» (14.4.1935) [48].

На первый взгляд текст телеграммы — просто набор слов, который способен вызвать, по меньшей мере, смущение ума. Однако оно легко рассеивается при внимательном изучении Записных листов Н.К. Рериха

и дневников Е.И. Рерих. Краеугольный вопрос, поставленный в телеграмме, это вопрос о власти. Административное управление новым государством — «штатом Канзас» — осуществляет его глава. Столица, центральный город «штата» Звенигород, будет выстроена у подножья Белухи, на русском Алтае. Отношений с другими «штатами», т.е. государствами, в момент зарождения «Новой Страны» никаких нет. В дальнейшем в состав Восточного Союза предполагается ввести Корею. Священный Союз Востока «просуществует семь лет», после чего преобразуется в Страну Мории, или Содружество Майтрейи.

Получается, «Новая Страна» приуготавливалась Рерихами для прихода грядущего Будды — Майтрейи (!). Фантастическая, почти не человеческая по своему замыслу идея... Рерих превзошел даже Томмазо Кампанеллу с его смелой мечтой о «Городе Солнца», потому что на просторах Азии должно было появиться нечто гораздо большее, великое — Страна Солнца.

В эмиграции за успехом Рериха зачастую следовала тень неудачи. Конечно, это относится к его социальной деятельности, а не к художественному творчеству. Как только Пакт в Вашингтоне был подписан, нахлынула новая волна газетных фальшивок.

Острые атак теперь было направлено против Г.Д. Гребенщикова, одного из сотрудников Нью-йоркского музея. Хотя и Рериху досталось не меньше. 11 мая 1935 года «Харбинское Время» опубликовало статью «Гребенщиков “протестует” против разоблачения Н. Рериха». Формальным поводом послужило письмо писателя с Помперага, озаглавленное «Протестую!» [53] и обошедшее русскоязычную прессу Америки и Маньчжурии. Газета намекала на «масонскую сеть» в Харбине, первоначально возникшую вокруг Христианского Союза Молодых Людей (ХСМЛ) при посредничестве книгоиздательства «Алатас». (Кроме того, директор издательства Гребенщиков состоял в личной дружбе с помощником секретаря ХСМЛ «масоном» А.А. Ачаиrom-Грызовым). Автор очередной разгромной статьи некий Романов отстаивал честь газеты, имевшей целью «для будущей истории... поставить в известность слишком доверчивых людей о таинственных задачах и передвижениях Н.К. Рериха, который так энергично принялся за организацию харбинской секции Пакта Рериха или Знамени мира для охраны культуры» [54]. Нити «масонского заговора» вели в Москву.

«Н.К. Рерих под покровительством “власть имущих” посещал Советскую Россию в 1926-1927 годах, как он сам сообщает в своей книге, написанной по-английски под заголовком “Сердце Азии”, изданной в 1929 году, и

благополучно вернулся за границу, что, как известно, немислимо эмигранту, будь он даже великим профессором, великим художником или великим писателем» [54].

Как могли реагировать президент Рузвельт и министр Уоллес на подобные утверждения?.. Ведь на их рабочий стол постоянно ложились обзоры русской прессы, консульские сводки и донесения агентов. Такие документы в большом количестве хранятся в архивах США [55]. Тем более что агрессивный тон дальневосточных газет подхватила американская «Чикаго Трибьюн». 24 июня 1935-го она писала, что Рерих и его окружение, бравировав дипломатическим покровительством Америки, «возбудили значительное подозрение» среди монгольских властей [56]. Н.К. Рерих назвал этот выпад «величайшей инсинуацией». Очень короткое время спустя после публикации газеты Уоллес получил сведения от американского военного атташе в Москве, который сообщал: Советский Союз обеспокоен экспедицией и опасается того, что «вооруженный отряд» Рериха намеревается «сплотить разрозненные белоэмигрантские элементы и недовольных монголов» [57].

Для каждого обывателя становилось очевидным — деятельность Рериха на Востоке далеко не похожа на экспедицию по сбору засухоустойчивых трав и злаков. Что должен был думать рядовой американец, если одновременно с «Чикаго Трибьюн» посыпались другие публикации, утверждающие, будто бы в экспедиционный отряд включены русские казаки и «семеновцы»... Были даже намеки на «шпионскую деятельность профессора» в Маньчжоу-Го (вспомним дневник Юрия Рериха). Еще один шаг, и отделения Пакта и Знамени Мира в Маньчжурии и Японии могут быть признаны форпостами, связанными с военными приготовлениями на Дальнем Востоке. А ведь экспедиция шла под американским флагом...

В конце июня 1935 года Рузвельт срочно вызывает телеграммой в Вашингтон руководителей Рериховского Музея. 3-го июля министр Уоллес встречается с Луисом Хоршем. И в тот же день из Департамента сельского хозяйства Рериху в Калган была отправлена телеграмма [58] о переводе его экспедиции в провинцию Суйюань, поближе к Китаю и подальше от Монголии. Возможно, от встречи в Белом Доме не осталось бы никаких следов, если бы не министерский протокол. По завершении беседы Департамент сельского хозяйства подготовил официальное письмо за подписью Г.Э. Уоллеса на имя президента Музея Л.Л. Хорша. Копия была отправлена Н.К. Рериху в адрес Гонконг-Шанхайского банка в Пекине (туда стекалась вся корреспонденция).

«3 июля 1935. Уважаемый господин Хорш! Для вашего сведения я прилагаю здесь копию телеграммы, отправленной мной сегодня профессору Рериху... Я не знаю, имеются ли какие-либо основания для разного рода инсинуаций относительно политической активности профессора Рериха в Монголии. Однако я крайне озабочен тем, чтобы он занимался, как в действительности, так и официально, именно тем, чем он должен заниматься, находясь на службе в Департаменте сельского хозяйства США, то есть исследованием семян, представляющих ценность для Соединенных Штатов.

Я буду Вам очень признателен, если вы окажете мне содействие в том, чтобы это было тактично и ясно доведено до сведения профессора Рериха. Говоря это, я конечно же осознаю, что большинство, а скорее всего все эти инсинуации, появившиеся в прессе в конце июня, не имеют под собой никаких оснований. Тем не менее, в столь беспокойные времена на Востоке, как сейчас, представляется благоразумным не рисковать, и поэтому Департамент просит профессора Рериха, принимая все меры безопасности, направиться с экспедицией в более спокойный район провинции Суй-юань, который, как предполагается, богат семенами засухоустойчивых трав. Искренне Ваш, Г.Э. Уоллес» [59].

Не прошло и недели, как решено было свернуть Маньчжурскую экспедицию. Научный советник Е.Н. Брессман просит Рериха до 1-го января 1936 года «покинуть Центральную Азию» [60]. Сотрудники Музея М.М. Лихтман и Ф.Р. Грант срочно выезжают в Вашингтон для встречи с Уоллесом. Но двери Белого Дома закрылись для них навсегда. Ни через неделю, ни через месяц они так и не смогли добиться аудиенции. Уоллес, близкий сотрудник и ученик Рериха, в одночасье повернулся спиной к своему «Гуру». Морис Лихтман сообщил 10 июля в Нью-Йорк своей жене: «Родная Радна, прости, что не пишу всё [это] время, но если бы ты знала, как здесь все напряжено. Вчера и сегодня добиваюсь видеть Гал[ахада], но он избегает меня... Бедная Модра очень потрясена этой историей, и поверь, есть чем — это страшная вещь, обернуться врагом, как Гал[ахад]» [61].

В середине августа Департамент сельского хозяйства предписал экспедиции Рериха продвинуться в район Синина, местности Кукунор, богатый засухоустойчивыми травами. Однако судьба всей Миссии была предрешена. Уоллес 1 сентября 35-го телеграфировал Рериху: «Следуйте немедленно в Пекин. Завершите там работы как можно скорее и отправляйтесь не позже 15 октября по самому прямому маршруту в Индию» [62]. Это означало полный провал экспедиции, которая была рассчитана как минимум еще на два года. «Мировой План» Рериха окончательно рухнул.

Существуют разные версии, объясняющие эту неудачу. Немаловажное значение имели, вероятно, и финансовые аппетиты Хорша, и президентские амбиции Уоллеса. Впереди были выборы, и трудно вообразить, чтобы Уоллес, претендующий на кресло президента Соединенных Штатов в 1936 году, продолжал называть русского художника Рериха «Отцом» и «Учителем». Дело «Канзаса» отошло в анналы истории.

В заключение дадим обзор писем Ю.Н. Рериха к З.Г. Фосдик [63], относящихся к окончанию Маньчжурской экспедиции. Юрий Рерих являлся координатором проекта «Канзас» и осуществлял связь с Америкой. Для понимания всей ситуации важна именно его оценка событий. Это необходимый штрих в довершение полной картины.

«Последние телеграммы от Модры и Друга [Уоллеса] нас повергли в большое удивление. Отсюда просто не придумать, что могло произойти в Ваших краях. Неужели тыл разлагается? При таких обстоятельствах продвижение становится невозможным, а сроки близки. Начавшееся культурное строительство в Кан[засе] нельзя бросить... Поддержите друг друга в час испытаний. Ведь наступает грозный год, и нужна большая внутренняя подготовка. А то легко унести вместе с вихрем, который уже начинается во многих местах нашей планеты» (23.7.1935).

«Получили Ваше письмо с описанием перемен, происшедших в Г[алахаде]. Все это чрезвычайно непонятно. Видимо, кто-то очень потрудился, совершенно не отдавая себе отчета, что делает. Ведь с таким сознанием ко всему вопросу К[анзаса] подходить нельзя. Были даны большие возможности... Итак, как всегда в истории событий, тыл развалился скорее фронта и требует экстренных мер для водворения порядка» (16.8.1935).

«Дело в том, что мы получили совершенно неожиданно радиogramму из министерства с предложением перевести экспедицию к началу сентября в Синин, в Кукунор. “Радио” было датировано 22 августа и достигло нас 23-го. Итак, вопреки времени и пространству и всем географическим условиям и другим соображениям и формальностям, кто-то нам предлагает “перелететь” в Синин через горы и пески. К сожалению, как увидите из письма, это вне человеческих возможностей, а собирать семена астрально вряд ли возможно. Видимо, у кого-то “развинтили гайки”, как говорят казаки, и нас начинают кидать по всему необъятному пространству Средней Азии... Слышу положительное по делу К[анзаса], но не могу действовать, по известным Вам обстоятельствам. Двери были открыты, возможности были, но не сумели войти. Ведь делать-то нужно руками человеческими» (29.8.1935).

Можно только удивляться превратностям судьбы. Именно 3 июля 1935 года, в день злополучной встречи Уоллеса и Хорша в Вашингтоне, Рерих сделал в дневник короткую запись о том, что он «мысленно»

посвящает Канзасу свой Записной лист «Строитель» [48]. Случайность это или нет, но очерк начинается словами: «Строители чудных храмов, твердынь не знали, будет ли им дано завершить их» [64]. Проект «Канзас» завершить не удалось. «Зачатка строительнойности» оказалось недостаточно, чтобы оживить пустыни. И Новая Страна «руками человеческими» так и не поднялась из мертвых песков Азии.

Санкт-Петербург,
24.X.1999

* * *

Мысли, изложенные в статье о «Новой Стране», являются предварительными или заявочными. Это лишь подступы к работе над книгой о Маньчжурской экспедиции и ее истинных целях. За рамками данного исследования остается огромное поле неосвоенного материала, который еще более рельефно очерчивает фигуру Н.К. Рериха как политика и мыслителя государственного масштаба.

Сюжетная линия статьи уже представлена автором на суд и научной, и широкой общественности. В конце 1999 года в Москве были прочитаны два доклада — 24 ноября в Институте востоковедения РАН на ежегодных чтениях, посвященных памяти Ю.Н. Рериха, и 13 декабря в Центральном Доме журналиста на вечере «Будущее за Россией», организованном редакцией журнала «Дельфис». Сами выступления и резонанс вокруг них вызвали неоднозначную реакцию. И здесь требуются некоторые пояснения.

Действительно, Новая Страна, или Священный Союз Востока, как реальное понятие только обозначена, и показаны пути, по которым шли Рерихи. Что представляет собой независимое «Сибирское государство», каковы принципы его построения и многое, многое другое — это предмет специального изучения и отдельной капитальной работы. Система рериховских построений, возможно, напомнит нечто вроде платоновского «Государства».

Немало страниц в будущем придется посвятить и взаимоотношениям Н.К. Рериха и Г.Э. Уоллеса, главных действующих лиц Мирового Плана. В этих взаимоотношениях скрыта философия, способная оказать влияние на судьбы отдельных людей и целых народов. Уоллес достиг на посту министра сельского хозяйства больших высот и заложил основы материального процветания Соединенных Штатов. Он задействовал новый социальный механизм, который открыл возможности «вселенского изобилия». Однако осуществление изобилия для всех требовало глубокой духовной трансформации общества. На вооружении у министра была некая концепция, говорившая о плодах просвещения. Эпоха всеобщего просвещения должна наступить вследствие исторического события — появления великого духовного лидера, который

придет из «центра Азии». Это будет Мессия, несущий божественное откровение. И в этом пункте построения Уоллеса полностью совпадали со взглядами Рериха. Именно Н.К. Рерих стал носителем знаний о Шамбале и ее Владыке Майтрейе, распространяя их на Западе, в Европе и Америке. Для подготовки миссии духовной реформации Рерих и Уоллес организовали экспедицию в Центральную Азию, которую Э.Г. Фосдик очень точно назвала «Канзасской».

Остается самый щепетильный вопрос, поднятый в статье о Маньчжурской экспедиции. Автора неоднократно спрашивали, не является ли Новая Страна политической авантюрой, а сам радатель ее — авантюристом? Ответ всегда однозначный — нет. Со времени Платона и Конфуция одними и теми же словами говорилось о Новой Стране. Вечная идея не может быть только достоянием философов и мечтателей. И Рерих — первый, кто пытался осуществить ее на практике. Однако социальное воплощение лучших идей часто не зависит от их носителей, мир находится в состоянии меняющихся возможностей. То, что вчера было приемлемо для Азии и в силу определенных политических условий выполнимо, сегодня становится невозможным. Образ Новой Страны претерпевает изменения, исторически могут меняться территориальные и религиозные акценты. И кто знает, возможно завтра Новую Страну начнет строить вся православная Россия...

Примечания

1. Рерих Е.И. Дневник. 1921 // Amherst Centre for Russian Culture (ACRC). Note-book, 3. Автограф. Записи от 29.9.21, 3.10.21, 5.11.21.
2. Рерих Е.И. Дневник. 1921-1922 // ACRC. Note-book, 4. Автограф. Записи от 15.11.21, 25.12.21.
3. Рерих Е.И. Дневник. 1922 // ACRC. Note-book, 8. Автограф. Запись от 27.10.22.
4. Рерих Е.И. Письмо Ю.Н. Рериху. 11.11.1922 // Nicholas Roerich Museum (NRM) (New York). Автограф.
5. Рерих Е.И. Дневник. 1923 // ACRC. Note-book, 16. Автограф. Запись от 17.6.23.
6. Гюк и Габэ. Путешествие через Монголию в Тибет к столице Талеламы. М., 1866. С. 246.
7. Pauwels L., Bergier J. Ausbruch ins dritte Jahrtausend. Von der Zukunft der phantastischen Vernunft. Bern-München, 1962. S. 375-376.
8. [Доржиев А.] Записка в Народный комиссариат по иностранным делам. 28.10.1921 // Национальный архив Республики Бурятия. Ф. 643, д. 5, л. 5-6.
9. Кузнецов В.С. Японо-тибетские отношения в первой половине XX века // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 127.
10. Юзefович Л.А. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М., 1993. С. 5, 132, 133.
11. Фосдик Э.Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922-1934). М., 1998. С. 608-667.

12. Лузянин С.Г. Россия—Монголия—Китай: внешнеполитические отношения в 1911-1946 гг. Диссертация на соискание уч. степ. д.и.н. М., 1997. С. 316.
13. Чистяков П.А. Письма Н.К. и Е.И. Рерихам. 1923-1924 // NRM. Машинопись, автографы. 22 л.
14. Рерих Е.И. Дневник. 1924-1925 // ACRC. Note-book, 20. Автограф. Записи от 15.11.24, 6.4.25.
15. Рерих В.К. Письмо Ю.Н. Рериху. 6.12.1930 // NRM. Машинопись, автограф. 2 л.
16. Рерих В.К. [Проект организации сельскохозяйственного кооператива в Маньчжурии]. Пояснительная записка № 1 и 2. [1934] // NRM. Машинопись. 5 л. Приложение: сметы (автограф, копия; рука М.М. Лихтмана).
17. Рерих Н.К. Письмо В.К. Рериху. 23.3.1934 // NRM. Копия. 1 л.
18. Рерих Н.К. Письмо сотрудникам Музея Рериха в Нью-Йорке. 8.7.1934 // Н.К. Рерих. Письма в Америку. 1923-1947. М., 1998. С. 33-34. Приложение: Сельскохозяйственный кооператив «Алатырь».
19. Фосдик (Лихтман) З.Г. Письмо В.К. Рериху. 26.11.1931 // NRM. Машиноп. копия. 1 л.
20. Харбин — очаг русской культуры. На докладе академика Н.К. Рериха в Христианском Союзе // Заря (Харбин). 1934. 4 июня.
21. Напутствие Вождю. 1933. Рига, 1937. С. 26. Переопубл.: Напутствие Вождю. Ленинград—Извара, 1990.
22. Фосдик (Лихтман) З.Г. Письмо И.А. Кирилову. 29.9.1934 // NRM. Машиноп. копия. 1 л.
23. Фосдик (Лихтман) З.Г. Письмо генералу Мори. 9.6.1932 // NRM. Машинописная копия. 1 л.
24. Шклявер Г.Г. Письмо Н.К. Рериху. 4.6.1934 // NRM. Автограф, л.1-1об.
25. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 276.
26. Рерих Н.К. Письмо И.А. Кирилову. 20.3.1934 // NRM. Машинопись, почтовая открытка. Также см. о генерале Н.Н. Головине — копии писем Н.К. Рериха к И.А. Кирилову от 21.3.1934 и 7.4.1934 (NRM).
27. Шклявер Г.Г. Письмо Н.К. Рериху. 19.3.1934 // NRM. Автограф, л.1-1об.
28. Шклявер Г.Г. Письмо Н.К. Рериху. 2.4.1934 // NRM. Автограф, л. 2об.
29. Шклявер Г.Г. Письмо Н.К. Рериху. 12.3.1934 // NRM. Автограф, л. 1об.
30. Рерих Н. Священный Дозор. Харбин, 1934.
31. Березовский Е.П. Письмо Н.К. Рериху. 26.2.1935 // NRM. Машиноп. копия. 1 л.
32. Часть суммы на покупку газеты внес также секретарь Христианского Союза Молодых Людей американец Х.Л. Хейг — 5 тыс. иен.
33. Ю.М. На каких началах «Русское Слово» перешло Общевоинскому Союзу? // Наш Путь (Харбин). 1934. 19 ноября. № 300 (393).
34. Что сокрушит большевизм — эту фабрику физического и морального угнетения? // Харбинское Время (Харбин). 1934. 8 ноября.
35. День Непримириности объединил всю эмиграцию // Русское Слово (Харбин). 1934. 8 ноября. № 2605. Текст речи Н.К. Рериха приводится в сокращении.
36. В.Э. Празднование Дня русской культуры // Гун-Бао (Тяньцзинь). 1934. 8 июня.
37. Рерих Ю.Н. Дневник Маньчжурской экспедиции, 1934-1935 // Музей-квартира П.К. Козлова (Санкт-Петербург). Автограф, копия. 60 л.

38. Шмидт М. Шесть лет в Индии, Тибете и Монголии. Ю.Н. Рерих о результатах многолетней Среднеазиатской экспедиции // Заря (Харбин). 1934. 2 июня.
39. Языков Н.[М.] О Николае Рерихе // Новая Заря (Сан-Франциско). 1939. 10 июня. (РГАЛИ. Ф. 2408, оп. 1, д. 40).
40. Фосдик З.Г. Дневник. 1934 // NRM. Тетрадь 46. Автограф.
41. Шклявер Г.Г. Письмо Ю.Н. Рериху. 9.12.1934 // NRM. Автограф, л. 1.
42. Фосдик (Лихтман) З.Г. Письмо И.А. Кирилову. 7.8.1934 // NRM. Машинопись, копия, л.1.
43. Тайны в письмах академика Н.К. Рериха // Харбинское Время. 1934. 17 ноября. № 311.
44. Шаги Н.К. Рериха во исполнение плана организации масонского государства в Сибири // Харбинское Время. 1934. 19 ноября. № 313.
45. Рерих Н. Листы дневника. Т. 1. М., 1995. С. 279.
46. Уоллес Г.Э. Письмо Н.К. Рериху. 7.12.1934 // NRM. Машинопись, копия, л.1.
47. Рерих Е.И. Письма в Америку. Том 1. М., 1996. С. 406-407.
48. Рерих Н.К. Дневник Маньчжурской экспедиции. 1934-1935 // NRM. Рукопись. Машинопись.
49. White G., Maze J. Henry A. Wallace: His Search for a New World Order. Chapel Hill—London, [1999].
50. Рерих Е.И. Дневник. 1924 // ACRC. Note-book, 19. Автограф. Запись от 20.7.24.
51. Рерих Е.И. Дневник. 1925-1926 // ACRC. Note-book, 21. Автограф. Запись от 15.9.25.
52. Рерих Ю.Н. Письмо З.Г. Фосдик (Лихтман). 19.1.1935 // NRM. Автограф, л. 1об.
53. Гребенщиков Г.Д. Протестую! // Новая Заря (Сан-Франциско). 1935. 23 марта. Переопубл.: Рериховский вестник. Выпуск 4. СПб, 1992. С. 68-73.
54. Романов Е.В. Гребенщиков «протестует» против разоблачения Н. Рериха // Харбинское Время. 1935. 11 мая. № 122.
55. Hyde Park Archive (New-York), Roosevelt Papers, Official File 723; National Archives (Washington D.C.), File: Expedition to the Far East Headed by Nicholas K. Roerich.
56. Chicago Tribune. June 24, 1935.
57. Walker J. Samuel. Henry A. Wallace and American Foreign Policy. Westport—London, 1976. P. 59.
58. Текст телеграммы был также приведен в письме Е.Н. Брессмана к Н.К. Рериху от 9 июля 1935 г. См. прим. 60.
59. Уоллес Г.Э. Письмо Л.Л. Хоршу. 3.7.1935 // NRM. Машинопись, копия. 1 л.
60. Брессман Е.Н. Письмо Н.К. Рериху. 9.7.1935 // NRM. Авториз. машинопись. 1-1об. л.
61. Лихтман М.М. Письмо З.Г. Фосдик (Лихтман). 10.7.1935 // NRM. Автограф, л. 1-1об.
62. Уоллес Г.Э. Телеграмма Н.К. Рериху. 1.9.1935 // NRM. Копия.
63. Рерих Ю.Н. Письма З.Г. Фосдик (Лихтман). 23.7.1935, 16.8.1935, 29.8.1935 // NRM. Автографы.
64. Рерих Н. Врата в Будущее. Рига, 1936. С. 243. Переопубл.: Николай Рерих. Листы дневника. Т. 1. М., 1995.